

Завершение съемок

В драме Мэн Паньлань так и не смогла забыть тот ясный, по-юношески робкий взгляд Бай Шаня. В реальности же слишком многие потеряли покой, замороженные той искрой одухотворенности, что Шу Мин явил перед камерой.

Чжэн Ивэй ликовал. Он нашел идеальное воплощение для своего персонажа и чувствовал, как шансы на престижные кинопремии стремительно растут. Чтобы закрепить успех и не дать Шу Мину растерять это исключительное состояние, режиссер несколько дней кряду добавлял ему новые сцены. Это была неприкрытая, бьющая в глаза фавор; но что это значило для остальных участников съемочного процесса?

Многие ощущали ту самую горькую досаду, которую испытывают ветераны, когда «новая волна» накрывает старую. Это было чувство опасности, смешанное с тихой печалью от осознания пропасти в таланте. Но стоило им обернуться, как они видели «виновника» своих бессонных ночей — жизнерадостного мальчишку, который беззаботно дурачился на площадке, словно и не подозревая о произведенном эффекте.

Шу Мин действительно был счастлив. Ради съемок он освоил новое мастерство — стрельбу из лука на скаку. В свой лучший заход он сумел выпустить три стрелы подряд, и каждая нашла цель.

Смеющиеся глаза, озорные клыки и развевающиеся на ветру волосы — в нем было столько жизни и обаяния, что невозможно было не пожелать ему оставаться таким же свободным и радостным вечно. Кое-кто лишь тяжело вздыхал: ладно, стоит ли тягаться с ребенком?

Впрочем, со стороны жизнь Шу Мина казалась куда легче, чем была на самом деле. Лишь Чжуан Чжэн, ежедневно обеспечивавший тылы младшему брату, знал, сколько слез было пролито за кадром.

Стрельба на скаку выглядела эффектно, но давалась она не просто. Долгое время Шу Мин возвращался домой, едва переставляя ноги. Кожа на внутренней стороне бедер была стерта в кровь, а несколько падений с лошади оставили после себя россыпь синяков и ссадин на локтях и коленях.

Шу Мину повезло: его реакция и атлетизм позволяли ему вовремя сгруппироваться и откатиться, смягчая удар, так что дело ограничивалось лишь поверхностными травмами. Случись падение чуть менее удачно — и он мог бы заработать хроническую травму поясницы на всю жизнь. Чжуан Чжэн, обнимая брата, содрогался от одной мысли об этом.

Но такова была реальность: сюжет требовал самоотдачи, а Шу Мин наотрез отказывался от каскадеров. Этот молодой орел только-только расправлял крылья, и старший брат не смел ему

мешать.

К тому же воинское искусство Бай Шаня было важным сюжетным якорем. После того памятного разговора с Мэн Паньлань героиня всерьез занялась организацией прямых эфиров. В те годы стриминг только зарождался, и все двигались впотьмах, на ощупь. Как выделиться среди тысяч других торговцев? Это было главной трудностью. Мэн Паньлань терпела неудачу за неудачей, но не сдавалась. Она открывала интернет-магазины, вела блоги, но дело не двигалось — пока в кадре не появился Бай Шань.

Уезд Шадун впервые прославился именно благодаря видео с Бай Шанем, стреляющим из лука. Мэн Паньлань выложила его почти случайно, и хотя торговля пошла не сразу, аккаунт в соцсетях взлетел мгновенно. Это и послужило толчком для продаж в магазине.

Изначально для этих кадров планировали использовать дублера, не показывая лица. Но Шу Мин понимал: если снять эту сцену правильно, она станет легендарной. И он пошел на это. Каждый шанс показать себя в кадре стоил того, чтобы за него бороться.

К тому же Шу Мин вовсе не был так «беззаботен», как казалось. Он, словно чуткий щенок, остро улавливал малейшие изменения в отношении окружающих.

— На самом деле всё логично. Если отбросить чувства, мы все — конкуренты, — рассуждал он в частных беседах с братом. — Многие рассчитывают на этот сериал, чтобы получить награды. А тут появляюсь я, мало того что перетягиваю на себя внимание зрителей, так еще и роль у меня такая яркая, что я вполне могу составить им конкуренцию в номинациях.

В индустрии развлечений пирог всегда был слишком мал для такого количества голодных ртов.

Раньше все видели в Шу Мине лишь безобидного новичка. Но видя, как он растет над собой, как Чжэн Ивэй благоволил ему, добавляя всё больше экранного времени, коллеги не могли не начать беспокоиться. Когда Шу Мин пускался в подобные аналитические размышления, он выглядел на удивление взрослым.

Чжуан Чжэну хотелось лишь тяжело вздохнуть. Как было бы хорошо, если бы Шу Мину не приходилось думать об этих интригах, а можно было просто наслаждаться игрой! Но правда была сурова: если не карабкаться вверх, тобой всегда будут помыкать, как это было во время «Шоу 101». Если не бороться, карьера Шу Мина могла закончиться сразу после финальных титров «Степной любви».

Поэтому в присутствии коллег Шу Мин оставался всё тем же жизнерадостным парнем. Однако после съемок той ключевой сцены он начал всё реже обедать вместе со всеми.

Вспоминая об этом, Чжуан Чжэн начинал сердиться. Подумать только: четыре дня из семи младший брат убегал ужинать с Лян Жувэнем! На что это похоже?

Шу Мин же отвечал совершенно искренне:

— Брат, мы теперь друзья! — он ластился к старшему, пытаясь смягчить его гнев. — Разве плохо, что у меня появился новый друг?

«Какой это друг?» — ворчал про себя Чжуан Чжэн. Друг, который пользуется своим возрастом и положением, чтобы водить за нос ребенка? Лян Жувэнь вызывал у него стойкое неприятие, но Чжэн, не умея красиво выражать свои чувства, лишь копил недовольство в себе. Ему было жаль вымещать злость на брате, и он просто молча кипел от негодования.

Так, в круговороте чужих надежд и опасений, осень в степях подошла к концу. Шу Мину предстояло официально завершить съемки в своей первой картине.

В горах начался пожар!

Когда зарево вновь окрасило небосвод, это был не праздничный костер. Это был яростный, управляемый лесной пожар.

Бай Шань, собиравший вещи перед отъездом, вместе с отцом немедленно прибыл на место. Они спешно натягивали простое защитное снаряжение. Его отец, Бай Сун, действовал быстрее и скоро ушел со своей группой пожарных. Бай Шань замешкался на мгновение и попал в распоряжение кадрового спасателя, старины Ли.

Отец и сын разошлись в этой суматохе, даже не успев встретиться взглядами.

Зрители по ту сторону экрана с замиранием сердца следили за каждым кадром. Все знали судьбу этого юноши. Все понимали, что из этого пекла он уже не вернется.

Но они оставались лишь безмолвными свидетелями того, как юный Бай Шань машет рукой Мэн Паньлань, веля ей уходить в безопасное место; как он качает головой и говорит спасателю, что ему «не страшно»; как его фигура в защитном костюме постепенно растворяется в дыму и пламени.

Они видели, как он, полный робких надежд на скорую встречу с большим миром, неумолимо шел навстречу своей гибели. Бай Шань был так близок к своей мечте — увидеть то, что скрыто за горизонтом...

Чжэн Ивэй не стал прибегать к дешевым сентиментальным приемам или пафосным речам. Но слезы у зрителей наворачивались сами собой.

«В ходе тушения пожара из-за внезапной смены ветра произошло взрывное распространение огня. Доброволец Бай Шань героически погиб при исполнении долга. Ему было девятнадцать лет».

Дитя, возвращенное степью, в итоге отдало ей свою жизнь. Как и гласило его имя, Бай Шань — «Белая пихта» — возможно, и впрямь превратился в одно из тех одиноких деревьев, что вечно стоят в родных краях, провожая взглядом каждого, кто решает уйти в большой мир.

На следующий день в степи выпал первый снег.

— Поздравляем с окончанием съемок!

Коллеги окружили Шу Мина со всех сторон. Этот парень попал в проект позже всех, но покидал площадку первым.

— Не забывай нас, Сяо Шу! Обязательно зови на обед! — кричал Цзян Цзэюй, актер второго плана, с которым они часто вместе перекусывали.

— Молодчина! Поздравляю! — Сунь И, игравший отца Бай Шаня, по-свойски хлопнул его по плечу так, что у парня искры из глаз посыпались.

Подоспела и Сестрица Сяо Юй:

— Сяо Шу! Не пропадай, будем на связи!

Было много тех, кто наставлял его, и тех, кто искренне помогал. Несмотря на все закулисные игры, их изначальное стремление поддержать новичка было настоящим.

— Шу Мин, поздравляю, — Ли Юань с улыбкой всучила ему красный конверт и обернулась к режиссеру. — Быстрее, где подарок от Чжэн Ивэя?

Шу Мин стоял с охапкой цветов, сжимая в руках пухлые конверты. Он улыбался, но его глаза подозрительно блестели. Все начали подшучивать над ним:

— Ой, смотрите, наш Шу Мин сейчас расплатится!

Юноша и впрямь был готов пустить слезу. Он шмыгнул носом и потер глаза:

— Но... но я пока не уезжаю...

— В смысле?

— Я уеду только на следующей неделе, нужно дозаписать вставную песню... — голос Шу Мина становился всё тише, и в конце концов он не выдержал и сам рассмеялся.

Ну вот, зря только расчувствовался!

Впрочем, хотя ему и предстояло остаться ради записи вокала, на съемочную площадку он уже вряд ли вернулся бы. Шу Мин в последний раз окинул взглядом знакомые места. Затем, словно это был обычный конец рабочей смены, он привычно затараторил что-то брату, и они вместе покинули лагерь.

Как сообщил Гэн Гуаньгуань, у Лян Жувэня возникли срочные дела, и он уехал раньше срока. Поэтому за записью вокала снова присматривал Гэн.

После того как они до седьмого пота отшлифовали главную тему, запись интерлюдии вместе с местными пастухами показалась легкой прогулкой. Шу Мин уверенно приступил к работе и столь же уверенно её завершил. Никаких накладок, никаких драм — только предвкушение скорого возвращения домой.

Как же он соскучился по Тётушке! Он мечтал обнять её, поговорить... Они с братом уже просматривали авиабилеты, выбирая рейс подешевле. Хотя в кармане у Шу Мина наконец появились деньги, он всё еще не был настолько богат, чтобы швыряться ими, не глядя на ценник. Привычка к экономии никуда не делась.

Когда запись была окончена и все мысли Шу Мина были уже в Столице, Гэн Гуаньгуань неожиданно остановил его.

— Шу Мин, у меня есть друг, автор песен. Ему очень нравится твой тембр. У него есть два текста, и он хотел спросить, не согласишься ли ты их спеть.

Заметив, что парень в замешательстве, Гэн уточнил:

— Это тот самый человек, который написал слова для твоей заглавной песни.

Шу Мин замер у двери и с недоумением обернулся. Новые песни?

Гэн Гуаньгуань немного поколебался, прежде чем добавить:

— Ты ему очень приглянулся как исполнитель, но есть одно «но». Прежде чем отдать тебе музыку, он хочет встретиться лично.

— Поэтому... я хотел спросить: нет ли у тебя возможности на днях слетать в Гонконг?

<http://bllate.org/book/16119/1588515>